

Аксельрод Л. (Ортодокс)

Г. Бердяев и моя бабушка.

I.

Одиннадцать лет тому назад ¹⁾ г. Бердяев выступил в своей книжке: “Субъективизм и индивидуализм в общественной философии”, как известно, в качестве соединителя материалистического понимания истории с гносеологией и этикой Канта. Высокоторжественно, со свойственным этому слабонервному писателю поповским красноречием, он клялся тогда пролетариату в вечной, неизменной любви, объявляя научный социализм бесспорной, несомненной, самоочевиднейшей истиной. Но, отдавая должное социалистическим влечениям, г. Бердяев и тогда искал для собственной своей, не пролетарской души, блаженства и утешения в сверхопытном миропорядке. Он восклицал: “То проникновение всеобщих логических и эстетических норм в жизнь человечества, которым сопровождается социальный прогресс, есть, может быть, торжество единого, мирового “я” в “я” индивидуальном”. “Идея цели должна объединить правду-истину и правду-справедливость. Только тогда делается понятной религиозная идея нравственного миропорядка, без которой жизнь бессмысленна”. Обратив внимание на эти характерные рассуждения, я тогда же в критической статье, посвященной вышеназванной книге г. Бердяева, писала: “Это построение так благочестиво, что легко может удостоиться одобрения святейшего синода. Во всяком случае, оно обеспечивает нам вечное блаженство в лоне единого мирового “я” и более спокойное отношение к эксплуатации человека человеком, существование которой тоже входит в “идею нравственного миропорядка”. И затем далее: “Г. Бердяев, танцующая с легкостью балерины по всем областям человеческой мысли, соединяет марксовскую теорию с платоновским “необузданным”

¹⁾ Статья написана и 1912 г.

идеализмом, с христиански-мистической частью (*amor dei intellectualis*) в учении Спинозы, с спиритуалистическим элементом в системе Вундта, с буржуазным индивидуализмом Фридриха Ницше и даже с декадентским искусством. Однако, во всем этом эклектизме, или, выражаясь словами Энгельса, во всей этой эклектической похлебке для нищих кроется несомненное единство, и это единство состоит в неукротимом стремлении отнять у марксизма его живую боевую сторону, другими словами, его сущность”. Эти и другие аналогичные места из моей статьи вызвали бурю негодования у некоторых товарищей, следивших, более или менее за возникшей полемикой между ортодоксальными и критическими марксистами. “Это — догматизм, это — узость, это — полемические приемы! И при чем тут святейший синод, да из чего же это видно, что Бердяев изменит социализму?” И так далее все в том же духе говорили мне со всех сторон защитники г. Бердяева.

Жизнь и действительность щедро и с большим избытком оправдали наши предсказания. Г. Бердяев вместе с г. Булгаковым стремительно, с

головокружительной быстротой пролетели путь от Маркса к православию. от интернационального социализма к русской православной церкви.

Да и вообще так называемые легальные марксисты сапогов своих еще не износили, в которых ходили в марксистскую редакцию “Нового Слова”, как измена была налицо.

Кратковременное поверхностное увлечение молодости было для них чем-то вроде гегелевской антитезы. В своем временном иллюзорном социалистическом инобытии они познали и уяснили себе свою грубую буржуазную природу и извлекли из него новое орудие для борьбы против идеалов пролетариата. Теперь эти господа далеки от нас, и до такой степени далеки, что полемика с ними стала излишней. На кого, на какие слои могут в настоящее время оказывать влияние ультрареакционные, мертвые идеи этих господ? Бодрая, истинно моральная, живая душой молодежь, чувствующая и сознающая крепкую, нерасторжимую связь с движущимися вперед великими историческими силами и светлым будущим, не послушает господ Бердяевых и Булгаковых. Эта молодежь не пойдет за ними; а о пролетариате в этом смысле и говорить не приходится. Умственное и идейное влияние этих писателей есть не более как “толчок падающему”. Одним словом, теории и проповеди бывших марксистов, а теперешних реакционеров представляют для нас лишь академический или исторический интерес.

Но существуют злободневные вопросы общественного характера, решение которых не следует обходить молчанием и в том случае, когда оно принадлежит г. г. Бердяеву, Булгакову и К°.

Это соображение побуждает нас остановиться на содержании статьи г. Бердяева: “Национализм и антисемитизм перед судом христианского сознания”¹⁾.

II.

Подобно г. Струве, г. Бердяев не любит быть банальным реакционером, а непременно оригинальным. Повинуясь этому своему сокровенному стремлению, он начинает свою статью бурным, неистовым походом против “вульгарного” национализма октябристов, “Нового Времени” и т. д. Излив целое море крикливых, бессодержательных и пустых фраз о несовместимости национализма с “христианской вселенской правдой”, г. Бердяев переходит к своей главной теме — к еврейскому вопросу. Но и тут наш автор клянется прежде всего всем тем, чем клялся лермонтовский Демон, — что он не националист и не антисемит в “буржуазно-империалистском, атеистически-скептическом, модернистском и нигилистическом” смысле. Он, хотя и не разделяет “исключительного филосемитизма” Владимира

См. “Русск. Мысль”, февраль, 1912 г.

Соловьева; но, как сын церкви Христовой, он до такой¹⁾ степени чужд национализма в “буржуазно-империалистическом” и т. д. значении, что, если бы он

в себе заметил “такие националистические чувства”, то “считал бы нужным каждый раз на исповеди каяться в них, как в грехе против сына божьего”. Итак, г. Бердяев, как верный сын церкви Христовой, не может исповедывать обычного “вульгарного” антисемитизма. “Но, — говорит он, — для всякого христианина обязателен *религиозный антисемитизм, религиозное противление антихристианской идее еврейства* (подчеркнуто мною) — еврейскому хилиастическому ожиданию иного Мессии. Христианский религиозный антисемитизм не может быть нехристианским безбожным отношением к еврейскому народу, избранному народу божьему, и потому не может походить на вульгарный антисемитизм и не может приводить к гонению на евреев. Ненависть к евреям расовая, бытовая, политическая недопустима для христианина и так же греховна, как и всякая ненависть к человеку. Но возможна религиозная ненависть к антихристианской идее еврейства, и в глубочайшем смысле этого слова она неизбежна”. Каковы же, спрашивается, основные предпосылки “*неизбежного религиозного антисемитизма*”? Вот какие. Из всех народов, — повествует г. Бердяев, — Израиль — избранный богом народ. “*Отношения между богом и Израилем, народом божьим, — эротические и в высшем смысле этого слова — страстные. Страстная любовь легко переходит в гнев и в огонь истребляющий* ¹⁾. И в библии уже чувствуется, что любовь бога к Израилю переходит в огненный гнев, в огонь”. Разгневанный, в страстном, эротическом экстазе бердяевский бог проклял таким образом свой возлюбленный народ. И проклятие это состоит, по свидетельству нашего автора, в следующем. “Тайна Израиля — в двойственности его

¹⁾ Подчеркнуто мною. Ортодокс.

мессианских ожиданий, хилиастических надежд. Только тот народ, который ждал и Мессию — Христа, искупителя и спасителя мира, и Мессию — земного царя, устроителя земного блаженства Израиля и антипода Христова, только тот народ мог дать миру сына божьего во плоти и мог распять сына божьего, послать его на крестную муку. Образ Мессии двоился у еврейского народа, ожидание Христа смешивалось с ожиданием его врага, и потому Христос по человечеству был еврей, и еврей до глубины своего существа был предавший Христа Иуда. Рождение Христа произошло в недрах еврейства, еврейство дало миру Рождество и еврейство же распяло Христа, в недрах еврейства совершилась Голгофа. Еврейский народ ждал страстно, напряженно, нетерпеливо явления Христа-Мессии, и еврейский же народ ждал и ждет донныне иного Мессию, царя земного, устроителя земного блаженства”. Вот оно что!

“Der langen Rede kurzer Sinn” тот, что страстно любимый и в то же время богом проклятый Израиль дал миру Христа, а сам отверг его, предал его распятию, лишившись таким образом навсегда, на вечные времена всяких высших стремлений и идеалов. Истинным носителем задач и целей еврейства после распятия *является Иуда*. С этого момента Израиль обречен на вечные скитания и на вечные муки. “Еврейский народ распял Христа и отверг распятого, и он вечно распинается среди других народов, ненавидящих его. Еврейскому народу дано было больше, чем всем народам земли, и он отверг божественное богатство”.

“Евреи — огромная сила среди народов, в их руках сосредоточены и огромные материальные богатства, исключительная цепкость к жизни присуща им, и духовная выносливость и энергия, побеждающие все гонения и притеснения. И все же евреи исключительно несчастны, не знают радости, есть скорбная складка в лице каждого еврея”. “И еврей, носитель в мире идеи антихристианского хилиазма, земного царства и блаженства, не знает и никогда не узнает счастья и радости, будет скитаться до конца веков”.

Совершенно понятно, что, с этой свирепой точки зрения г. Бердяева, антисемитизм не только неистребим, но является глубокой, религиозной, божественной, всемирно-исторической необходимостью; а отсюда следует дальше, что истинный христианин не должен ставить себе задачей разрешение еврейского вопроса. Наш автор так и говорит: “Христианин должен признать, что еврейский вопрос неразрешим до конца веков. Неразрешимость еврейского вопроса входит в неисповедимые пути господни, и упорное желание решить и упразднить еврейский вопрос есть противление божественному начертанию”.

Далее, борьба, христианства против духа еврейства есть, по мнению г-на Бердяева, сущность исторического процесса, “ось” всемирной истории. Идеал христианства — вечная свобода, преодоление необходимости эмпирического бытия. Этот идеал, идеал абсолютной свободы, воплощен в Мессии-Христе. Еврейский народ отверг высшую ценность, абсолютную свободу, и ждет царства блаженства здесь, на земле. Оттого, — заключает г. Бердяев, — “духу еврейства, *так близка социал-демократия* (курсив мои), которая есть лишь модернизированная трансформация еврейского хилиазма, еврейского ожидания Мессии — земного царя и земного блаженства без искупительной жертвы”. Таковы, в общем, предпосылки, мотивы и аргументация религиозного антисемитизма г. Бердяева, которые я намеренно старалась изложить словами самого автора.

Рядом с этими основными, с позволения сказать, мыслями следуют, как уже было вскользь замечено выше, бурные нападки на расовый антисемитизм. “Расовый антисемитизм, — восклицает наш “сын церкви Христовой”, — абсолютно несовместим с христианской верой и должен рассматриваться христианином, как грех, — грех против человеческой природой Христа, против божьей матери, против апостолов”. И так дальше. Вот эта высокаторжественная хвала еврейскому народу за то, что в недрах его истории возникло христианское вероучение, окутывает густым туманом тот, поистине, изуверский антисемитизм, которым проникнута вся статья.

III.

Во время чтения этой статьи в моем воображении вставало смутное, отдаленное, едва уловимое, ускользающее воспоминание. Да, ведь, я когда-то и где-то слышала нечто подобное, и, как всегда в таких случаях, бледный призрак прошлого дразнил, то исчезая, то неотвязно и назойливо требуя своего признания. Две-три паузы сознания, несколько усилий и напряжение памяти — и призрак принял ясные

очертания. Да, помню. Ведь я слышала почти что такую же философско-историческую концепцию от моей бабушки. Несомненно, от бабушки.

Это было утром накануне девятого Аба, накануне дня великой скорби — разрушения храма иерусалимского. Утро было чудесное, торжественное, сиявшее величием, праздничным спокойствием и ликующей радостью бытия. Мне было лет восемь, должно быть, и, несмотря на надвигавшуюся мрачную атмосферу по случаю наступления печального вечера и завтрашнего постного не менее печального дня, я очень мало думала о разрушении храма, была весела и смеялась по поводу каждого пустяка и без всякого повода.

Сосредоточенная бабушка, занимавшаяся починкой дедушкиной рубахи, обратила внимание на мое языческое настроение. Строго взглянув на меня, она заметила: “Дочери Израиля нельзя так смеяться. Печалиться, плакать, каяться и молиться должны мы все, а не веселиться зря, подобно идолопоклонникам-христианам, которые хохочут с утра до вечера”.

Вопрос, почему дочери Израиля нельзя смеяться, рвался наружу, но я вспомнила, что несколько времени назад на мой вопрос, кто создал бога, последовал грозный и внушительный ответ: “за, такие вопросы секут”. И так как я не питала ни малейшего расположения к розгам, и подумав, что, быть может, и за этот вопрос полагается телесное наказание, я молчала.

Приняв мое молчание за успокоение, бабушка воткнула свою иголку в дедушкину рубаху, приняла соответственную позу и сказала: “садись”. Я исполнила приказание.

“Довольно веселиться и хохотать, как все безбожники, и в особенности в такой день. Ты не маленькая, и уже пора тебе знать судьбу и горе евреев и великий смысл существования еврейского народа. Израиль, — продолжала бабушка, — богом избранный народ, из всех народов всевышний избрал евреев. И ему, любимому пароду, он вручил через Моисея святую Гору, в которой все сказано, решительно все: и то, что было, и то, что есть, и то, что будет. Но, — увы! — бабушка глубоко вздохнула, — евреи впали в соблазн и, начав подражать язычникам, сотворили себе подобно другим безбожникам золотого тельца, которому стали поклоняться и жертвы приносить. И разгневался великий и добрый бог на излюбленный свой народ за измену. Но гнев его есть гнев любящего, справедливого отца, карающего детей своих для их блага. Изгнанный из Иерусалима, скитаясь среди чужих безбожных народов и поддаваясь часто власти злой силы, толкающей на грех и отступничество, Израиль не раз забывал всевышнего. И добрый, великий бог был милостив к своим детям и не раз прощал им грехи. Он простит нас совсем, но для этого необходимо всему Израилю вернуться к нему, к всевышнему, и понять, что жизнь состоит в служении тому, кто дал нам святую Гору и кто беспрестанно думает о нашей судьбе. И тогда придет Мессия и избавит нас от страданий наших. Все другие народы — христиане-идолопоклонники. уверовавшие в незаконнорожденного сына, Марии—ненавистны богу и прокляты им. Они

обречены на вечные муки ада... что я говорю: ада, — поправилась бабушка, — ад будет в их вечных скитаниях мечтой, недостижимым идеалом. Здесь, на земле, этим идолопоклонникам, пребывающим в разврате, исповедующим ложное учение, живется хорошо, лучше, куда лучше, чем нам, гонимым и преследуемым. Но здешняя, земная жизнь есть испытание, данное богом, орудие для достижения вечного рая там... на том свете”. И, подняв при этих словах голову, бабушка устремила свои все еще очень красивые большие серые глаза на потолок.

Я не могла дольше выдержать своего молчания, и вдруг, невольно и неожиданно для меня самой, слетел с языка вопрос: “Бабушка, а зачем же создал бог ненавистных, проклятых им и непослушных христиан?”.

“Молчи! — произнесла бабушка с ужасом. — Какие кощунственные речи, да еще накануне девятого Аба. Господи, что из нее выйдет!” — заметила как бы про себя бабушка. — Пути божии неисповедимы; его предначертания недоступны нашему разумению, не паше дело рассуждать о его великих деяниях. Раз бог создал христиан, то они; стало быть, для чего-то нужны. Наша задача — удаляться от них, не подражать им, бороться против всех искушений христианства, — словом, мы должны быть евреями. Христиане-идолопоклонники заботятся больше всего о своем теле, а еврей думает больше всего о боге и о своей душе. Ты слышала, как дедушка говорил, что евреи должны воспитывать детей своих, согласно тому правилу, что лучше больной еврей, чем здоровый христианин”.

При этих словах бабушка взглянула на дедушкину рубаху и произнесла со слезами на глазах: “Ах, если бы все евреи были такими праведными, как твой дедушка, давно бы пришел уже Мессия”.

Вот что я вспомнила во время чтения статьи г. Бердяева. Очень нетрудно заметить, что коренные, существенные начала мировоззрения и философии истории г. Бердяева сходны с мировоззрением и философией истории моей бабушки. Подобно моей бабушке, г. Бердяев признает старого личного бога, хозяина вселенной, с ограниченным человеческим разумом и ограниченной человеческой волей. Бабушка свято верила в то, что Израиль — богом избранный и излюбленный народ. К этому оригинальному убеждению пришел и г. Бердяев. С точки зрения моей бабушки, вся история человечества имеет своим базисом борьбу еврейской религий с христианской. Так точно смотрит на исторический процесс и г. Бердяев. Храня аскетические традиции старого еврейства, моя бабушка строго осуждала христианский мир за его погоню за материальными наслаждениями. Тот же самый упрек посылает сын церкви, г. Бердяев, но адресу еврейского народа, обвиняя последний в чрезмерной привязанности к земному бытию.

Как истинная дочь Израиля, бабушка считала нужным питать “ религиозную ненависть” к христианским народам, а христианин г. Бердяев проповедует религиозную ненависть к евреям. Но на этом кончается сходство и начинается разница, выгодно отличающая мою бабушку от нашего ех-марксиста.

Действительно религиозная, воспитанная в старых формах еврейской семьи, моя бабушка, была женщиной благонравной и не имела — я уверена, в этом — даже и понятия об эротических, чувственных извращениях. Поэтому бог в ее представлении был величественный, старый, мудрый еврей, доподлинный. аскет, чуждый человеческих слабостей и низменных земных страстей. Бог же г. Бердяева представляет собою нечто вроде египетской Клеопатры, чувственная любовь которой “легко переходила в гнев, в огонь истребляющий”.

Короче, бог бабушки был сильной, цельной, величавой фигурой, а, бог г. Бердяева есть современный дегенерат, искатель жестоких ощущений, обрекший с этой целью возлюбленный им еврейский народ на вечные муки.

Замечательно верно выразился Вольтер: “Dieu a fait l'homme a son image, mais l'homme le lui a bien rendu”¹⁾.

Между г. Бердяевым и моей бабушкой есть и еще одно различие, пожалуй, наиболее существенное.

¹⁾ Бог сотворил человека по своему подобию, но человек отплатил ему тем же.

Христианофобие, которое старалась мне внушить моя добрая бабушка, было чем-то традиционным, отвлеченно-рассудочным, не имеющим никакой серьезной связи с чувством. Оно было таким же *внешним явлением и продуктом привычки*, каким является юдофобство у религиозного бессознательного человека из русского народа. Другое дело, “религиозная ненависть” г. Бердяева к еврейству. Тут слышно чувство, тут видна страсть, душевная активность и упоение ненавистью. Другими словами, моя бабушка не была христианофобкой, а г. Бердяев — настоящий заправский юдофоб.

IV.

Мировоззрение моей бабушки превзойдено мною давно, и я теперь совершенно забыла те доказательства, при помощи которых я разрушила старое, ветхое здание. Я поэтому не знаю, как доказать, что евреи — и избранный и проклятый богом народ, и что, вообще, все построения г. Бердяева, являют собою сплошной, ничем не прикрытый вздор. Да критика и не нужна, и не она была моей целью. Цель *этой* краткой заметки заключается в изложении антисемитической сущности “христианской” статьи “Национализм и антисемитизм перед судом христианского сознания”.

Оставляя критику в стороне, укажу в заключение еще на то, что, несмотря на стремление г-на Бердяева отмежеваться от “вульгарного” антисемитизма “Нового Времени” и союза, русского народа, его точка зрения может служить полным “философским” основанием для их практических лозунгов. Об еврейских погромах

г. Бердяев пишет так: “Можно даже сказать, что ужасы погромов, несправедливости бесправия евреев ставят евреев в России в морально привилегированное положение в глазах широких слоев русской интеллигенции, мешают говорить правду о еврейском вопросе. Бытовой антисемитизм наших диких националистов и политический антисемитизм правительства не ослабляет, а усиливает духовную, моральную и культурную власть еврейства в России, парализует русскую волю, которая морально не хочет бороться против гонимых и преследуемых. И это кара христианам за их нехристианское отношение к евреям”. Против этой тирады представители “Нового Времени” и союза русского народа могут возразить с полным логическим правом г-ну Бердяеву вот что: “Ваше соображение, г. Бердяев, насчет того, что погромы ставят евреев в *“привилегированное”* положение мучеников и тем самым оказывают вредное в нравственном смысле действие на христианский мир, касается вопроса целесообразности, а не принципиального отношения к погромам. Что же касается вашего второго, *принципиального* положения, что погромный способ борьбы против духа еврейского несовместим с “вселенской христианской правдой”, то в этом пункте вы себе противоречите. Ведь сами же вы с большой глубиной и настоящим христианским чувством развивали нами проповедуемые идеи, что евреи распяли спасителя: что они прокляты господом богом, обречены им на бесконечные скитания и на вечные муки; что они сеют по всему миру зло, развращающий и растлевающий дух Иуды, который, как вы совершенно верно выразились, *был еврей до глубины своего существа*; что истинный христианин обязан вести борьбу против духа и идеи этого богом проклятого, предательского народа, “обязан” чувствовать к нему “религиозную ненависть”, ибо “еврейство — соблазн для христиан”, — так отчего же спрашивается, не устроить погром? Ведь и в священном писании сказано, что “вера без дел мертва есть”. Кроме того, необходимо принять во внимание и то важное обстоятельство, что христианство завоевывало мир не только духом и мученичеством, но и огнем и мечом. Бросьте, г. Бердяев, сентиментальности, недостойные вашего христианского сознания! Ваши нападки на наш якобы “вульгарный” антисемитизм есть не более как остаток ваших юношеских увлечений, которые абсолютно несовместимы с вашим теперешним зрелым христианским мировоззрением и т. д. ”.

Боюсь, что г. Бердяеву нечего будет ответить Меньшикову и Маркову второму...

И еще одна замечание.

Отождествляя, подобно “Новому Времени” и союзу русского народа, социал-демократию с “духом и идеей” еврейства, а еврейство — с вселенским злом и безнравственностью, г. Бердяев ставит и в этой своей статье социал-демократии в упрек стремление осуществить идеалы человечества на земле, ее борьбу за земное, эмпирическое благо. Удивительно: почему г. Бердяев не обращается с своими христианско-аскетическими речами к кадетам? Или, быть может, партия народной свободы представляет собою аскетическую общину, тогда является вопрос: что делает в ней Маклаков? Или почему, например, не выступает г. Бердяев против

своего товарища по божественной части, г. Струве, принимающего благосклонное участие в выработке условий торговых договоров.

В своей замечательной речи на последнем иенском партийтаге Бебель сказал, что такого лицемерного века, как наш век, не было в истории.

Это, несомненно, так.

Когда читаешь христианско-аскетические проповеди г. г. Булгаковых и Бердяевых, лик которых обращен одной стороной к бирже, а другой — к Голгофе, невольно приходят на память слова евангелия:

“Горе вам, книжники, фарисеи, лицемеры и т. д.”.

1912 г.

Источник: Л. Аксельрод (Ортодокс). Против идеализма. Критика некоторых идеалистических течений философской мысли. Сборник статей. Второе издание. М., 1928. С. 156-165.